

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С50

Ali Smith

WINTER

Copyright © 2017, Ali Smith

Перевод с английского *В. Нугатова*

Разработка дизайна серии *О. Медведковой*

В оформлении переплета используется иллюстрация
художника *О. Медведковой*

Смит, Али.

С50 Зима / Али Смит ; [пер. с англ. В. Нугатова]. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-099542-4

Суровая зима.

Мир съезживается, все оголяется, то, что было ранее невидимым, становится видимым. То, что скрывалось, вспыхивает огнем.

Али Смит воссоздает стремительно меняющийся мир, где корни бытия: смех, любовь, искусство — не всегда открыты нашему глазу. В эпоху постправды не только прошлое, но и будущее кажутся не тем, чем есть.

Зима — это сезон, который учит нас выживанию.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-099542-4

© В. Нугатов, перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Саре Дэниэл
в логове льва
с любовью*

*и Саре Вуд
тиц i' депп¹
с любовью*

¹ Разве я должен (*нем.*). Цитата из песни Э. Пресли «Деревянное сердце» из кинофильма «Солдатский блюз» (1960). — *Здесь и далее прим. перев.*

Для тебя не страшен зной,
Вьюги зимние и снег.

Уильям Шекспир¹

Пейзаж управляет собственными образами.

Барбара Хепуорт²

Но если вы считаете себя гражданином мира, то вы гражданин неизвестно чего.

*Тереза Мэй,
5 октября 2016*

Мы вступили в царство мифологии.

Мюриэл Спарк³

Темнота дешева.

Чарльз Диккенс

¹ «Цимбелин». Пер. Н. Мелковой.

² Барбара Хепуорт (1903—1975) — английский скульптор-абстракционист.

³ Мюриэл Сара Спарк (1918—2006) — шотландская писательница, поэтесса и эссеист.

1

Бог умер — начнем с этого.

И романтика умерла. Рыцарство умерло. Поэзия, роман, живопись — все умерли, и искусство умерло. И театр и кино умерли. Литература умерла. Книга умерла. Модернизм, постмодернизм, реализм и сюрреализм — все умерли. Джаз умер, поп-музыка, диско, рэп, классическая музыка — умерли. Культура умерла. Порядочность, общество, семейные ценности умерли. Прошлое умерло. История умерла. Социальное государство умерло. Политика умерла. Демократия умерла. Коммунизм, фашизм, неолиберализм, капитализм — все умерли, и марксизм умер, феминизм тоже умер. Политкорректность — умерла. Расизм умер. Религия умерла. Философия умерла. Надежда умерла. И правда и вымысел умерли. СМИ умерли. Интернет умер. Твиттер, инстаграм, фейсбук, гугл — умерли.

Любовь умерла.

Смерть умерла.

Очень много всего умерло.

Впрочем, кое-что не умерло или пока еще не умерло.

Али Смит

Жизнь еще не умерла. Революция не умерла. Расовое равенство не умерло. Ненависть не умерла.

А компьютер? Умер. Телевидение? Умерло. Радио? Умерло. Мобильники умерли. Батареи умерли. Браки умерли, сексуальная жизнь умерла, общение умерло. Листья умерли. Цветы умерли — прямо в воде.

Представьте, что к вам являются призраки всех этих мертвых вещей. Представьте, что к вам является призрак цветка. Нет, представьте, что к вам является (если бы он являлся и это не было просто неврозом или психозом) призрак (если бы существовали призраки и это не было просто плодом воображения) цветка.

Призраки-то не умерли, вовсе нет.

Наоборот, возникли следующие вопросы:

мертвы ли призраки?

призраки мертвы или живы?

смертоносны ли призраки?

но, как бы то ни было, забудьте о призраках, выбросьте их из головы, потому что это не история о привидениях, хотя она и случилась в глухую зимнюю пору, ясным солнечным постмиллениальным глобально-потепленческим утром сочельника (сочельник тоже, кстати, умер), и повествует она о реальных событиях, реально происходящих в реальном мире, с участием реальных людей в реальном времени на реальной Земле (угу, Земля тоже умерла):

— Доброе утро, — сказала София Кливз. — Счастливого сочельника.

Обращалась она к бесплотной голове.

То была голова ребенка, просто голова без тела, парившая в воздухе.

Голова оказалась цепкой. Она была у нее дома уже четвертый день. Сегодня утром София открыла глаза и снова увидела ее: теперь она парила над раковиной и смотрелась в зеркало. Как только София обратилась к голове, та повернулась и, увидев ее... разве можно сказать, что кто-то без шеи и плеч *поклонился*? Голова однозначно поднырнула, как бы наклонилась вперед, почти-тельно опустив взгляд, а затем снова учтиво и бодро выпрямилась — поклон или реверанс? Голова была мужская или женская? Как бы то ни было, она была очень хорошо воспитанной, вежливой головой хорошего вежливого ребенка (возможно, еще не говорящего, потому что он был довольно молчалив), величиной с дыню (это забавно или обидно, когда тебе комфортнее с дынями, а не с детьми? Ей повезло: в детстве Артур быстро смекнул, что ей нравилось, когда дети стреми-

лись скорее повзрослеть), хотя и совсем не похожей на дыню, если учесть, что у нее было лицо и густая копна волос на несколько сантиметров длиннее самой головы — всклокоченных, пышных, темных, волнисто-прямых и довольно романтических, словно у мини-кавалера, если это был ребенок мужского пола, или, если женского, что-то наподобие девочки, украшенной листьями в парижском парке и повернутой спиной к камере на старой черно-белой открытке с фотографией, снятой французским фотографом двадцатого века Эдуаром Буба́ («*Petite fille aux feuilles mortes, jardin du Luxembourg, Paris, 1946*»)¹, и когда София проснулась сегодня утром и увидела голову, повернутую к ней затылком, ее волосы обманчиво приподнимались и опускались на волнах центрального отопления, но только с одного бока — прямо над радиатором. Сейчас они качнулись и на долю секунды рассыпались под свободное парение и балансирование головы, словно размытые волосы в замедленной съемке в рекламе шампуня. Видите? Реклама шампуня — никакой не призрак и не вурдалак. В ней нет ничего страшного.

(Если, конечно, реклама шампуня или, возможно, реклама вообще — это *не* жуткие образы живых мертвецов, к которым мы просто настолько привыкли, что они нас больше не шокируют.)

В любом случае голова была не страшная, а милая и застенчивая в своей церемонности: эти

¹ «Девочка в опавшей листве, Люксембургский сад, Париж, 1946 г.» (*фр.*). Эдуар Буба (1923—1999). См. А. Смит, «Осень».

слова не ассоциируются с чем-то мертвым или с представлением о мародерствующем духе чего-то мертвого — да она вовсе и не казалась мертвой, хотя, возможно, и выглядела жутковато пониже того места, где когда-то была шея и, судя по слухам, вполне обоснованным, должно находиться нечто нутряное, дробящееся и мясистое.

Но всё подобное было надежно спрятано под волосами и подбородком, и в первую очередь поражало не это, а *жизнь* внутри головы, теплота ее поведения, и когда она покачивалась и весело кивала в воздухе рядом с Софией, словно зеленый буюк в спокойной воде, пока та умывалась и чистила зубы, или когда голова плавно скользила вниз по лестнице, опережая Софию, и маленькой планетой в собственной микровселенной извивалась между пыльными веточками коллекции мертвых орхидей на нижней площадке, то она излучала больше доброты, чем любая голова Будды, которую встречала София, любое изображение головы Купидона или обалдевшего рождественского херувимчика.

На кухне София залила воду и засыпала кофе в эспрессо-машину. Прикрутила верхнюю часть эспрессо-машины и включила газ. Голова отшатнулась от внезапной волны жара. Ее глаза наполнились смехом. Словно в шутку, она бросалась к пламени и отскакивала обратно.

— Смотри, волосы загорятся, — сказала София.

Голова покачала головой. София рассмеялась. От удовольствия.

Интересно, она знает, что такое Рождество, раз уж ей известно о сочельнике?